

Сильва
Капутикян:

ПРЕДЧУВСТВУЮ РОЖДЕНИЕ СТИХОВ

Однажды Сильва Капутикян, говоря о замечательном армянском поэте, перечислила такие «многослойные пласты его души»: поэтичность, доброта, романтика. Наверное, таковы слабые стороны каждого большого поэтического таланта. Располагать их можно в разном порядке. Если говорить о самой Капутикян, то, очевидно, на первое место надо поставить доброту. А к главным пластам ее души добавить еще предельную искренность.

В предисловии к одному из своих сборников Капутикян призналась: «...Так как я не веду дневников, очень не люблю писать писем, то вся эта внутренняя энергия чувств уходит в личную лирику».

Лирика Капутикян порой обжигает своей остротой. И в то же время трогает и вызывает читателя такое доверие к нему. Хочется быть достойным этого доверия, высоким и чистым душой.

Автор многих стихотворных и прозаических сборников, лауреат Государственной премии СССР и республиканской премии имени Аветика Исаакяна, Сильва Капутикян много времени уделяет общественной деятельности. Дни ее уплотнены до предела. И когда нашлось время для встречи, она началась с вопроса о творческой занятости, гражданской активности поэта.

— Скажу сразу: я не из тех поэтов, которые предпочитают уединяться в тихой гавани и не слышать брани и перебоев в пульсе жизни. По-моему, если писатель обладает талантом, то вместе с его талантом должна развиваться и гражданская зрелость. В «минуты роковые», при столкновении с дисгармонией, несправедливостью лирическому голосу поэта надлежит обрести резкие, непримиримые нотки, стать поистине «колоколом на башне вечевой».

Признаться, порой хочется устроить себе передышку, ощутить состояние безучастности, но, оказывается, такое состояние не по мне. В моем последнем сборнике я как раз пишу об этом:

Уж сколько раз
Я обещала себе
Душой утомониться и сердцем поостыть,
Не тревожиться более и не возмущаться:
Мне-то какое дело, что на улице град
И что где-то плачет ребенок?
Какое мне дело, что с прямого ты сбился
пути

И что фальшь разглагольствует из-под роскошной маски?

Мне ли соскребать ржавчину и плесень?
Мне ли указывать истинный путь?

Мне ли спасать задыхающийся мир?..
Ох, уж сколько-сколько раз

Даю себе слово смолчать,
Забравшись в тихий угол и жить-поживать.

Но что это за жизнь?
И зачем так жить?..

Писатель, призванный воспитывать в читателе идеалы гражданственности, обязан и в своей деятельности быть гражданином. Ведь личность писателя и его творчество взаимосвязаны.

— Известно, что в поле вашего зрения постоянно попадают актуальные, назревшие проблемы действительности. Не так давно вы провели по телевидению цикл передач «Честь нашего дома», где шел откровенный разговор о нашем быте, обычаях, традициях, этических проблемах... А что вас тревожит сейчас?

— Пусть вас не удивит, но я полна «химией», меня беспокоят вопросы, связанные с загрязнением окружающей среды. Дымчатая завеса над городом, замутненные реки, тревожные сигналы в прессе и в книгах не могут не волновать. Один знакомый химик посоветовал мне постараться в определенные часы, особенно ночью, не оставлять окна открытыми. Сжигаются заводские отходы, и в воздух могут попасть вредные вещества. Как это согласовать с классическим советом врачей: спать при открытой форточке?! Когда-то мы с гордостью писали о строящихся заводах-гигантах. Но порой их деятельность оборачивается против человека. Развивая технику, преобразовывая природу, мы подчас забываем о равновесии в ней, о чувстве меры, о бережном к ней отношении...

— Видимо, необходимо, чтобы решение экологической проблемы носило комплексный и массовый характер. Недавнее постановление партии и правительства о дополнительных мерах по предотвращению загрязнения атмосферного воздуха — еще одно свидетельство заинтересованного отношения к охране природы.

— Да, конечно, меры предпринимаются, но опасение за будущее природы остается. Надо активно воспитывать в людях сознательное и доброе отношение к природе. То есть экологический вопрос — это и вопрос нравственный. А значит, самое время и писателю сказать здесь свое слово, отойти от своего собственного, «сокровенного», что ли, в творчестве ради злободневного, тоже очень нужного дела.

— Если говорить о сокровенном в творчестве, то, наверное, для вас это тема разбросяного по свету армянства — спюрка. Результатом многих ваших поездок и знакомства с зарубежными армянами явилась ваша художественная публицистика — книги «Караваны еще в пути» и «Меридианами карты и души», которые переведены на русский язык, выдержали пять изданий. Как вы расцениваете предстоящий в августе этого года фестиваль художественных коллективов спюрка?

— Это событие произойдет впервые в истории наших культурных связей с зарубежными армянами. Идея фестиваля воспринята с большой радостью и воодушевлением. На местах уже организованы жюри. Драматические труппы, ансамбли песни и пляски, певцы, чтецы, артисты готовятся к встрече с Родиной.

Помню, как лет двадцать назад во время моей первой поездки в Ливан, Сирию, Египет во всех почти армянских школах и клубах нам представляли ансамбли песни и пляски — скромные копии нашего государственного коллектива. Мне говорили, что все эти «ансамблики» появились на свет после первого посещения этих стран нашим, как они называли, «ансамблем Алтуняна», который привез им дыхание родины. Представляю, с каким восхищением они увидят теперь родину, будут танцевать, петь, играть на родных подмостках.

— Одна из ключевых тем вашего творчества — тема искусства. Стихи о Мартиросе Сарьяне, Минасе Аветисяне, Комитасе, Сиракунуш, Ваграме Папазяне, Рачия Нерсисяне, армянской архитектуре...

Выступления, статьи, посвященные композиторам А. Хачатуряну, А. Тиграняну, Эд. Оганесяну, Э. Мирзояну... Каким вам представляется творческое взаимодействие искусств?

— Очень тесно и неразрывно сплетены корни армянской поэзии, музыки, живописи, архитектуры. Ведь красками Мартироса Сарьяна и Минаса Аветисяна окрашены наши стихи, музыкой Комитаса озвучены своды архитектурных памятников, величием древнего храма овеяны наши шараканы — старинные песнопения... У нашего замечательного поэта Ваагна Давтяна есть стихотворение, в котором певцу Лусине Закарян он видит поющим хачкаром, этим самобытным явлением армянского зодчества. Надгробный камень с высеченным на нем изумительным орнаментом воспринимается как поющее древо жизни.

Внутренние творческие связи наших искусств лет тридцать-сорок назад выглядели более прочными. Тогда почти все наши творческие союзы, не от хорошей, конечно, жизни, жили в «коммуналке», то есть в одном помещении, которое называлось «Дом культуры». Теперь появилось много домов: писателей, архитекторов, актера, художников, композиторов, кинематографистов, но ослабли прежние контакты. Может быть, это объяснимо: сейчас нас всех стало так много, что не уместить по одной крышей. Но все-таки обидно, что утрачена прежняя сплоченность служителей муз, меньшей стала общая заинтересованность, ослабло участие в творческих заботах коллег «смежного искусства»... По-моему, в какой-то мере это влияет и на само творчество и писателя, и кинематографиста, и актера, и композитора. Меня, как поэта, волнует оторванность некоторых композиторов от армянской поэзии. На таком безрадостном фоне достойные похвалы композиторы Эдгар Оганесян, Тигран Мансурян, Гегуни Читчян и некоторые другие, их стремление создавать песни на добротном поэтическом материале.

— Какое искусство более близко вам наравне с поэзией?

— Пожалуй, театр. С особым интересом знакомлюсь с современными пьесами, теми, которые созвучны моим настроениям и волнениям. Мне по душе острые, проблемные постановки, даже если в них порой публицистичность выходит на передний план. Главное, чтобы этот публицистический момент спектакля был правдивым и честным. Мне доставляет удовольствие посещение маленьких театров. Они возникли сравнительно недавно, по-видимому, как веление времени. Это наш ереванский экспериментальный, камерный, разные студии. В Москве они прописаны уже давно и названы по месту их нахождения. Новизна, раскованность, неканоничность творческих поисков и смелые находки и, главное, энтузиазм режиссеров и актеров очень подкупают.

Говорят, что наш великий поэт Ованес Туманян, не написавший ни одной даже одноактной пьесы, в глубине души считал себя драматургом. Я, конечно, не Туманян, но, признаюсь, тоже чувствую в себе драматурга и даже написала несколько пьес. Одна из них «Крунк, куда летишь?» была напечатана в журнале «Театр», другая «И ты, Брут?» представлена на армянском телевидении. Однако я полагаю, что моя любовь к драматургическому жанру все еще остается односторонней, невзаимной. Тем не менее я не отчаиваюсь, подумываю о новых пьесах. И, естественно, предчувствую рождение новых стихов.

Беседу вела
К. ХАЛАТОВА.

ЕРЕВАН.

Сов. курьеза, 1985, 8 сфера

1985